

Часть вторая

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

П. М. Аркадьев

Институт славяноведения РАН

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрим примеры (1) и (2) из адыгейского языка¹. В примере (1) представлен глагол² *сэҗеп* ‘спать’, а в примере (2) — глагол *сэҗеп* ‘любить’³.

¹ Адыгейский язык относится к абхазо-адыгской ветви северо-кавказской семьи языков. Основным источником по нему является фундаментальная грамматика Рогава, Керашева 1966. Материал, используемый в данной статье, был собран преимущественно во время летних лингвистических экспедиций Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея в 2004—2006 гг. Работа выполнена при поддержке Фонда Содействия отечественной науке, Программ фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН и грантов РГНФ 04-04-18008е и 06-04-00194а. Я благодарю Д. В. Герасимова, Р. Н. Коваленко, Н. А. Короткову, Ю. А. Ландера, А. Б. Летучего, А. Г. Пазельскую, Б. Х. Парти, Н. Р. Сумбатову, С. Г. Татевосова, А. Б. Шлуинского и Я. Г. Тестельца за помощь, прямо или косвенно оказанную мне в ходе написания данной статьи, а также анонимного рецензента за ценные конструктивные замечания. Ответственность за все ошибки и неверные интерпретации целиком лежит на мне.

² Вопрос о разграничения в адыгейском языке частей речи, в частности, имени и глагола, является весьма сложным, см., в частности, Lander & Testelets 2006. В связи с этим в дальнейшем термины «глагол» и «предикат» будут использоваться как синонимы — при том, что второй из них является более точным, нежели первый.

³ Это сложный глагол, буквально означающий ‘добро видеть’.

- (1) a. $\check{c}'ale$ -r $\check{c}\acute{a}ja$ -*ke*.
 парень-ABS* спать-*PST*
 'Парень заснул || поспал'
- b. $\check{c}'ale$ -r $s\acute{a}hat$ -j\acute{a}-*ble* $\check{c}\acute{a}ja$ -*ke*.
 парень-ABS семья-*INF*-час спать-*PST*
 'Парень спал семь часов'
- (2) a. $\check{c}'ale$ -m $p\acute{s}a\acute{s}e$ -r $\xi_w\acute{a}$ \acute{a}- $\lambda e\check{c}_w\acute{a}$ -*ke*.
 парень-*OBL* девушка-*ABS* добро 3*SG.A*-видеть-*PST*
 'Парень влюбился в девушку || *любил девушку'
- b. $\check{c}'ale$ -m $p\acute{s}a\acute{s}e$ -r $j\acute{a}\lambda es$ -j\acute{a}-*tfe* $\xi_w\acute{a}$ \acute{a}- $\lambda e\check{c}_w\acute{a}$ -*ke*.
 парень-*OBL* девушка-*ABS* год-*INF*-пять добро 3*SG.A*-видеть-*PST*
 'Парень был влюблён в девушку в течение пяти лет'

Примеры (1a) и (2a) иллюстрируют поведение адыгейских глаголов в минимальном синтаксическом контексте. Как видно, между глаголами 'спать' и 'любить' есть важное различие: первый из них в форме претерита (\approx прошедшего времени совершенного вида с суффиксом *-ke*) имеет два значения: «вхождение в состояние» ('заснул') и «состояние» ('спал'). Второй же глагол, в отличие от первого, имеет в форме претерита лишь одно значение — «вхождение в состояние». Это различие свидетельствует о том, что данные глаголы относятся к разным акциональным классам (данное понятие будет уточнено в п. 2).

Примеры (1b) и (2b) демонстрируют сочетания данных глаголов с темпоральными обстоятельствами длительности, обозначающими продолжительность временного интервала, на протяжении которого имеет место ситуация. Такие обстоятельства могут сочетаться лишь с обозначениями ситуаций, имеющих ненулевую длительность. В связи с этим довольно естественно, что претерит глагола 'спать' в контексте обстоятельства длительности сохраняет лишь одну из двух доступных ему интерпретаций, а именно «состояние». Интересно, однако, что глагол 'любить', претерит которого в «нулевом» контексте не имеет интерпретации «состояние», получает её в сочетании с обстоятельством. Действительно, ситуация, при которой глагол в присутствии темпорального обстоятельства имеет интерпретацию, которой у него нет в отсутствие такового, не является тривиальной.

В настоящей статье я, во-первых, продемонстрирую, что поведение обстоятельств длительности, проиллюстрированное примером (2), в адыгейском языке является систематическим, и, во-вторых, покажу, как такого рода факты могли бы быть описаны в рамках существующих теорий аспектуальности.

2. ТЕОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

В данной работе я исхожу из принципов так называемых двух-компонентных теорий вида (см. Маслов 1948; Smith 1997/1991; Смит 1998; Vache 1982; Bertinetto & Delfitto 2000 и др.), постулирующих фундаментальное противопоставление между двумя типами аспектуальной информации: так называемой внутренней аспектуальности, понимаемой как тип языковой концептуализации ситуаций, выражаемой глагольными лексемами и их зависимыми, и так называемой внешней аспектуальности — семантико-прагматической категории, выражающей точку зрения говорящего на ситуацию (ср. Падучева 1996) и обычно выражаемую грамматикализованными видовременными категориями.

Для дальнейшего рассмотрения наиболее значим тот подтип внутренней аспектуальности, который максимально тесно связан с лексическим значением глагола (таксономическая категория по Падучева 2004а), — его я буду называть акциональностью или акциональным классом (см. Татевосов 2005; Лютикова и др. 2006). Из значительного множества определений акциональности и родственных ей понятий, представленных в литературе (см. Vendler 1967; Dowty 1979; Mourelatos 1981; Булыгина 1982; Bach 1986; Verkuyl 1989, 2005; Klein 1994; Filip 1999 и др.), я буду опираться на типологически-ориентированную концепцию, предложенную в работах Татевосов 2002 и Татевосов 2005. Суть этой концепции заключается в следующем.

Для того чтобы акциональные классы предикатов в разных языках можно было сопоставлять между собой, необходима универсальная эмпирическая процедура выделения этих классов, потенциально применимая в каждом языке. В основе этой процедуры лежат два универсальных понятия:

(а) Универсальные акциональные значения: онтологические типы ситуаций, семантические примитивы, служащие минимальными «блоками», из которых складываются акциональные характеристики конкретных лексем (ср. Dowty 1979; Pustejovsky 1991; Levin & Rappaport Hovav 1998). Набор универсальных акциональных значений таков: «состояние» (S; *спит, висит*), «процесс» (P; *работает, летит*), «мультипликативный процесс» (M; *дрожит, стучит*); «вхождение в состояние» (ES; *заснул*), «вхождение в процесс» (EP; *заработал*), «квант мультипликативного процесса» (Q; *стукнул*). В рамках этого набора полезно различать «непредельные» (S, P и M) и «предельные» значения (ES, EP, Q). Первые отличаются от вторых значением признака «длительность / точечность».

(б) Универсальные аспектуальные значения (по Dahl 1985; Bybee & Dahl 1989; Smith 1997/1991): базовые значения «внешней» аспектуальности, по необходимости представленные во всех языках, вне зависимости от того, грамматикализованы они в них, или нет (ср. Csirmaz 2004). Эти значения — имперфектив (говорящий рассматривает ситуацию «изнутри», в её развитии во времени) и перфектив (говорящий рассматривает ситуацию «извне», в её целостности и завершённости). В качестве конкретно-языковых реализаций универсальных аспектуальных значений удобно использовать соответствующие значения видовременных форм презенса (актуально-длительное значение) и перфективного претерита.

Процедура выделения акциональных классов применяется к представительной выборке глаголов (не менее ста лексем) и заключается в том, что сочетанию лексемы с обоими основными аспектуальными категориями (т.е., в общем случае, её видовременным формам) приписываются акциональные значения из универсального набора (подробнее см., например, Лютикова и др. 2006: 233—250). В результате каждая лексема получает акциональную характеристику — пару ⟨Ipf, Pf⟩, где Ipf — множество акциональных интерпретаций актуально-длительного значения настоящего времени, а Pf — множество акциональных интерпретаций перфективного претерита. Оба множества могут содержать несколько элементов; множество Ipf может быть также пустым (как у русского *приходит* или английского *find* ‘находить’). Акциональный класс определяется как

множество лексем с тождественными акциональными характеристиками.

Разумеется, акциональностью, т.е. лексически закреплённой информацией о структуре обозначаемой глаголом ситуации, внутренняя аспектуальность не исчерпывается. Важнейший её компонент — явления так называемой аспектуальной композиции (Verkuyl 1972, 1989, 1993, 2005; Krifka 1989, 1992, 1989; Filip 1999 и др.), т.е. взаимодействия акциональности глагола с семантическими характеристиками его окружения, в первую очередь, его актантов. Данные явления, однако, в настоящей статье рассматриваться не будут. Напротив, как уже было указано в п. 1, в фокусе моего внимания будет другой круг явлений, а именно взаимодействие акциональности с темпоральными обстоятельствами — проблема, которой в литературе до последнего времени уделялось несколько меньше внимания (см. Klein 1994; Depraetere 1995; Smith 1995; de Swart 1998; Güven 2006).

Как известно, темпоральные обстоятельства являются диагностическим контекстом для такого фундаментального признака внутренней аспектуальности, как предельность: обстоятельства длительности типа рус. *два часа* или англ. *for two hours* могут сочетаться лишь с непредельными предикатами, а обстоятельства срока типа русского *за два часа* или англ. *in an hour* — лишь с предельными предикатами (ср. Vendler 1967; Dowty 1979). Само использование темпоральных адвербиалов в качестве такого рода тестов исходит из имплицитной предпосылки, что обстоятельство не способно никак модифицировать акциональную характеристику предиката⁴. Как будет продемонстрировано ниже, в адыгейском языке эта предпосылка не выполняется, что ставит проблемы как описательного, так и теоретического характера.

3. АКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Для дальнейшего рассмотрения нам необходима информация о представленных в адыгейском языке акциональных классах пред-

⁴ По данному вопросу в литературе представлены разные мнения, ср. обсуждение в обзорной статье Sasse 2002, а также критический разбор в книге Klein 1994.

катов. Результаты применения описанной в предыдущем разделе процедуры к представительной выборке предикатов разных семантических классов представлены в таблице 1⁵. Следует сразу сделать важное замечание, что при классификации глаголов учитывались лишь акциональные характеристики их форм в «минимальных» контекстах, таких как (1); сочетания с темпоральными обстоятельствами (по крайней мере, с представленными в примерах типа (2) обстоятельствами длительности) в ходе применения процедуры не учитывались. Номера диагностических примеров приведены в таблице рядом с названиями акциональных классов.

Таблица 1. Акциональные классы в адыгейском языке

Класс	Акциональная характеристика Презенса	Акциональная характеристика Претерита	Число предикатов	Примеры
Стативный (3)	S	S	33	š'əλəp 'лежать', psewəp 'жить'
Сильный инцептивно-стативный (4)	S	ES	10	ʃep 'знать', lək _w əp 'видеть'
Слабый инцептивно-стативный (5)	S	ES, S	1	čəjeŋ 'спать'
Процессуальный (6)	P	P	15	ʒeg _w əp 'играть', txep 'писать' (непереходный)
Сильный ингрессивно-процессуальный (7)	P	EP	4	k _w əp 'идти', bəbəp 'лететь'
Сильный мультипликативный (8)	M	Q	10	k _w əwəŋ 'кричать', wəʒ _w əntxep 'плевать'
Моментальный (9)	—	ES	8	zəp 'бросить', qewəŋ 'взорваться'

⁵ Названия акциональных классов с минимальными изменениями заимствованы из статьи Татевосов 2005.

Класс	Акциональная характеристика Презенса	Акциональная характеристика Претерита	Число предикатов	Примеры
Сильный предельный (10), (11)	P	ES	49	ʎep 'умереть', jetən 'дать', tən 'копать', qebegən 'рас- пухать', txən 'писать' (переходный)

- (3) a. ras_wəl ə-ʃhe me-wəzə.
Расул 3SG.POSS-голова PRS-болеть
'У Расула болит голова'
- b. ras_wəl ə-ʃhe wəzə-ke.
Расул 3SG.POSS-голова болеть-PST
'У Расула (по)болела голова (некоторое время)'
- (4) a. ras_wəl s-e-ʃe.
Расул 1SG.A-PRS-знать
'Я знаю Расула'
- b. ras_wəl s-ʃa-к.
Расул 1SG.A-знать-PST
'Я узнал Расула || *знал Расула'
- (5) a. p̂saʃe-г me-čəje.
девушка-ABS PRS-спать
'Девушка спит'
- b. p̂saʃe-г čəja-ke.
девушка-ABS спать-PST
'Девушка заснула || поспала'
- (6) a. č'ale-xe-г me-ž'eg_wə-x.
парень-PL-ABS PRS-играть
'Дети играют'
- b. č'ale-xe-г ž'eg_wə-ke-x.
парень-PL-ABS играть-PST-PL
'Дети поиграли (какое-то время)'

- (7) a. $\check{c}'ale$ -г $w\acute{a}ne$ -m ma - $\check{c}e$.
 парень-ABS дом-OBL PRS-бежать
 'Парень бежит к дому'
- b. $\check{c}'ale$ -г $w\acute{a}ne$ -m $\check{c}a$ - $\check{c}e$.
 парень-ABS дом-OBL бежать-PST
 'Парень побежал к дому || *бежал к дому какое-то время'
- (8) a. $\check{c}'ale$ -г me - $w\acute{a}z_w\acute{a}nt\check{x}e$.
 парень-ABS PRS-плюнуть
 'Парень плюёт'
- b. $\check{c}'ale$ -г $w\acute{a}z_w\acute{a}nt\check{x}a$ - $\check{c}e$.
 парень-ABS плюнуть-PST
 'Парень плюнул || *поплевал'
- (9) a. $p\acute{s}a\check{s}e$ -m $\text{?}_w\acute{a}n\check{c}'\acute{a}bz\acute{a}$ -г q - e - $\check{c}w\acute{e}t\acute{a}$.
 девушка-OBL ключи-ABS DIR-PRS-найти
 'Девушка (всегда) находит ключи || *ищет (находит) ключи сейчас'
- b. $p\acute{s}a\check{s}e$ -m $\text{?}_w\acute{a}n\check{c}'\acute{a}bz\acute{a}$ -г q - \acute{a} - $\check{c}w\acute{e}t\acute{a}$ - $\check{c}e$.
 девушка-OBL ключи-ABS DIR-3SG.A-найти-PST
 'Девушка нашла ключи'
- (10) a. $thamate$ -m ze $\text{?}_w\acute{a}\check{c}'e$ -г $г$ - j - e - $\check{c}a$ - $\check{z}'e$.
 директор-OBL собрание-ABS 3SG.IO-3SG.A-PRS-CAUS-начаться
 'Директор начинает собрание'
- b. $thamate$ -m ze $\text{?}_w\acute{a}\check{c}'e$ -г $г$ - $j\acute{a}$ - $\check{c}e$ - $\check{z}'a$ - $\check{c}e$.
 директор-OBL собрание-ABS 3SG.IO-3SG.A-CAUS-начаться-PST
 'Директор начал собрание || *попытался начать собрание'
- (11) a. $m\acute{a}l\acute{a}$ -г me - $\check{t}\check{k}_w\acute{a}$.
 лёд-ABS PRS-таять
 'Лёд тает'
- b. $m\acute{a}l\acute{a}$ -г $\check{t}\check{k}_w\acute{a}$ - $\check{c}e$.
 лёд-ABS таять-PST
 'Лёд растаял (целиком) || ?? потаял (частично)'

Таблица 1 показывает, что в адыгейском языке практически нет акционально-неоднозначных («слабых») глаголов, претерит которых

допускал бы как предельную, так и неопределённую интерпретации. В частности, глагол *čəjen* ‘спать’ из примера (1) является, по-видимому, единственным слабым инцептивно-стативным глаголом в адыгейском языке. Обращает на себя внимание полное отсутствие слабых предельных глаголов, т.е. таких, которые в «нулевом» контексте допускали бы как предельное, так и неопределённое понимание.

4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕДИКАТОВ И ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Перейдём к рассмотрению основного материала, а именно данных о взаимодействии в адыгейском языке темпоральных обстоятельств с различными акциональными классами предикатов. Сначала я кратко остановлюсь на поведении обстоятельств типа *за два часа* (обстоятельств срока).

В адыгейском языке обстоятельства срока образуются от выражений со значением временной протяжённости при помощи «инструментального» суффикса *-čʼe*. Они способны сочетаться со всеми глаголами, акциональная характеристика которых содержит предельное акциональное значение (ES, EP или Q), ср. сильный инцептивно-стативный глагол (12), слабый инцептивно-стативный глагол (13), сильный ингрессивно-процессуальный глагол (14) и сильный предельный глагол (15).

- (12) *čʼale-m pšaše-g taqjəq-jə-twə-čʼe ə-lexwə-w.*
 парень-OBL девушка-ABS минута-INF-два-INS 3SG.A-видеть-PST
 ‘Парень увидел девушку через две минуты’
- (13) *čʼale-g səhat-nəqwə-čʼe čəja-ke.*
 парень-ABS час-половина-INS спать-PST
 ‘Парень уснул за полчаса’
- (14) *čʼale-g taqjəq-jə-šʼə-čʼe ča-ke.*
 парень-ABS минута-INF-три-INS бежать-PST
 ‘Парень побегал через три минуты’
- (15) *pšaše-m səhat-nəqwə-čʼe pjəsmə-g ə-txə-w.*
 девушка-OBL час-половина-INS письмо-ABS 3SG.A-писать-PST
 ‘Девушка написала письмо за полчаса’

Напротив, сочетание обстоятельств срока с глаголами, не имеющими в акциональной характеристике предельного акционального значения, невозможно, ср. стативный глагол (16), или затруднено, ср. процессуальный глагол (17).

- (16) *mә çəfə-r jəles-jə-tfə-ç'e žə-ke.
 этот человек-ABS год-INF-пять-INS старый-PST
Предполагаемое значение: 'Этот человек постарел за пять лет'
- (17) ??ç'ale-r taqjəq-jə-tfə-ç'e qe-š_wa-к.
 парень-ABS минута-INF-пять-INS DIR-танцевать-PST
 'Парень начал танцевать через пять минут'

Таким образом, сочетаемость с обстоятельствами срока в адыгейском языке может рассматриваться как довольно надёжное свидетельство предельности глагола.

Перейдём к обстоятельствам длительности. Как уже было отмечено выше, типологическое ожидание относительно их поведения заключается в том, что они должны быть способны сочетаться лишь с неопределёнными предикатами, т.е. с теми, которые не могут сочетаться с обстоятельствами срока. Точнее, в свете принятой в данной работе теории акциональности, сочетаться с обстоятельствами длительности могут лишь те предикаты, акциональная характеристика перфективной формы которых содержит неопределённое акциональное значение, т.е. стативные, процессуальные и «слабые» предикаты различных классов. Данное предсказание, однако, для адыгейского языка не выполняется.

Действительно, с обстоятельствами длительности в адыгейском языке сочетаются не только стативные (18), процессуальные (19) и слабый инцептивно-стативный (1) предикаты, но и сильные инцептивно-стативные (2), сильные ингрессивно-процессуальные (20), сильные мультипликативные (21) и сильные предельные предикаты (22a), (22b)⁶.

⁶ Во избежание однообразия в (18)—(22) приведены большей частью другие лексемы соответствующих акциональных классов, нежели в (3)—(11). Поведение предикатов в обеих группах примеров совершенно параллельно.

- (18) $\lambda\acute{e}\acute{z}\acute{e}$ -r $j\acute{e}\lambda es$ -j\acute{e}-t_we $\lambda e\acute{s}$ 'a-в.
 старик-ABS год-INF-два хромать-PST
 'Старик хромал в течение двух лет'
- (19) $\zeta\acute{e}f\acute{e}$ -r $s\acute{e}hat$ -n\acute{e}q_we $g_w\acute{e}\acute{s}$ '\acute{e}'a-вe.
 человек-ABS час-половина говорить-PST
 'Человек разговаривал в течение получаса'
- (20) $samo\lambda jwet\acute{e}$ -r $s\acute{e}hat$ -j\acute{e}-t_we $krasnwedat$ $b\acute{e}b\acute{e}$ -вe.
 самолёт-ABS час-INF-два Краснодар лететь-PST
 'Самолёт летел в Краснодар два часа'
- (21) $\zeta\acute{e}f\acute{e}$ -m $\check{c}\acute{e}g\acute{e}$ -r $taqj\acute{e}q$ -j\acute{e}-\acute{s}'e \acute{e} -вe- $s\acute{e}s\acute{e}$ -в.
 человек-OBL дерево-ABS минута-INF-три 3SG.A-CAUS-трястись-PST
 'Человек тряс дерево три минуты'
- (22) a. \check{c} 'ale-m $s\acute{e}hat$ -n\acute{e}q_we $pj\acute{e}sme$ -r \acute{e} -t\acute{x}\acute{e}-в.
 парень-OBL час-половина письмо-ABS 3SG.A-писать-PST
 'Парень писал письмо полчаса'
- b. $m\acute{e}\lambda\acute{e}$ -r mef -j\acute{e}-tfe $t\acute{k}_w\acute{e}$ -вe.
 лёд-ABS день-INF-пять таять-PST
 'Лёд таял пять дней'

Единственный акциональный класс глаголов в адыгейском языке, в норме не допускающий обстоятельство длительности, — моментальный, ср. (23):

- (23) * $\acute{e}g_wawe$ -r $taqj\acute{e}q$ -j\acute{e}-t_we qe -we-в.
 шарик-ABS минута-INF-два DIR-лопнуть-PST
 '*Шарик лопнул в течение двух минут'

Сопоставление акциональных характеристик формы претерита различных акциональных классов представлено в таблице 2. Для наглядности при каждом классе указана его полная акциональная характеристика.

Таблица 2. Акциональные характеристики претерита в независимом употреблении и в контексте обстоятельств длительности

Класс	Акциональная характеристика Претерита	
	<i>без обстоятельств</i>	<i>с обстоятельствами длительности</i>
Стативный (S, S)	S	S
Сильный инцептивно-стативный (S, ES)	ES	S
Слабый инцептивно-стативный (S, {ES, S})	ES, S	S
Процессуальный (P, P)	P	P
Сильный ингрессивно-процессуальный (P, EP)	EP	P
Сильный мультипликативный (M, Q)	Q	M
Моментальный (—, ES)	ES	—
Сильный предельный (P, ES)	ES	P

Легко видеть, что сочетаемость предикатов с темпоральными обстоятельствами длительности в адыгейском языке описывается при помощи простого правила (24):

- (24) Предикат допускает обстоятельство длительности, если акциональная характеристика его формы презенса (Ipf) не пуста; при этом акциональная характеристика сочетания предиката с обстоятельством тождественна Ipf.

Правило (24), фактически, утверждает, что темпоральное обстоятельство имеет доступ к любой длительной (непредельной) фазе ситуации, обозначаемой глаголом, независимо от того, доступна ли эта фаза форме претерита вне сочетаний с обстоятельствами⁷.

К только что приведённому обобщению, однако, имеется значимый класс исключений. Среди адыгейских сильных предельных глаголов имеются как такие, которые допускают обстоятельства длительности, ср. пример (22), так и такие, которые, по крайней мере,

⁷ Здесь необходимо ещё раз подчеркнуть, что само наличие непредельной фазы в семантике глагола с очевидностью следует из возможности его употребления в актуально-длительном значении Презенса.

согласно суждению значительного числа опрошенных носителей языка, с ними не сочетаются, ср. (25a), (25b).

- (25) a. *thamate-m taqjəq-jə-š'e zeʔ_wəç'e-г
 директор-OBL минута-INF-три собрание-ABS
 г-јə-вe-ž'a-в.
 3SG.IO-3SG.A-CAUS-начаться-PST

Предполагаемое значение: 'Директор пытался начать собрание в течение трех минут (но так и не начал)'

- b. *çəfə-г mef-jə-t_we λa-вe.
 человек-ABS день-INF-два умереть-PST

Предполагаемое значение: 'Человек два дня умирал (но так и не умер)'

Несмотря на существование примеров, подобных (25), я полагаю, что для адыгейского языка в принципе верно обобщение (24) — с той оговоркой, что поведение сильных предельных глаголов требует отдельного объяснения. Более того, ниже будет показано, каким образом и правило (24), и примеры типа (25) могут получить единообразную трактовку в рамках композиционной теории аспектуальности.

5. О ВОЗМОЖНОЙ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ АДЫГЕЙСКОЙ АКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В принципе, факты, описанные в предыдущих двух разделах, допускают и альтернативную трактовку, которая исходит из того, что интерпретация предикатов в присутствии обстоятельств длительности непосредственно учитывается при акциональной классификации. Иными словами, при таком подходе способность глагола в форме претерита сочетаться с обстоятельствами длительности свидетельствует о том, что акциональная характеристика Pf данной лексики содержит одно из неопределённых акциональных значений.

Акциональная классификация, полученная таким способом, представляет собою, фактически, объединение таблиц 1 и 2, произведённое, разумеется, с учётом неоднородного поведения предель-

ных глаголов. Альтернативная классификация представлена в таблице 3.

Таблица 3. Альтернативная акциональная классификация предикатов в адыгейском языке

Класс	Акциональная характеристика Презенса	Акциональная характеристика Претерита	Число предикатов	Примеры
Стативный	S	S	33	<i>s'əɫəp</i> 'лежать', <i>psewəp</i> 'жить'
Слабый инцептивно-стативный	S	ES, S	11	<i>ʃəp</i> 'знать', <i>ləwəp</i> 'видеть', <i>čəjəp</i> 'спать'
Процессуальный	P	P	15	<i>ʒəg_wəp</i> 'играть', <i>tχəp</i> 'писать' (непереходный)
Слабый ингрессивно-процессуальный	P	EP, P	4	<i>k_wəp</i> 'идти', <i>bəbəp</i> 'лететь'
Слабый мультипликативный	M	Q, M	10	<i>k_wəwəp</i> 'кричать', <i>wəʒ_wəntχəp</i> 'плевать'
Моментальный	—	ES	8	<i>ʒəp</i> 'бросить', <i>qewəp</i> 'взорваться'
Слабый предельный	P	ES, P	37	<i>ʃəp</i> 'копать', <i>qəbeqəp</i> 'распухать', <i>tχəp</i> 'писать' (переходный)
Сильный предельный	P	ES	12	<i>ʎəp</i> 'умереть', <i>jetəp</i> 'дать', <i>jeveʒ'əp</i> 'начать'

Как видно, данная классификация не изоморфна той, что представлена в таблице 1: с одной стороны, выделенные ранее сильный и слабый инцептивно-стативные классы при альтернативной трактовке сливаются в один слабый инцептивно-стативный класс, а, с другой стороны, помимо сильного предельного класса новая классификация включает также отсутствовавший ранее класс слабых предельных предикатов.

При альтернативной классификации проблема типологически нетривиального поведения адыгейских обстоятельств длительности исчезает — хотя бы потому, что сами акциональные характеристики приписываются предикатам с учётом их интерпретации в контексте обстоятельств.

Описанный только что подход, однако, сталкивается со следующей проблемой: соотношение между акциональным классом предиката и интерпретацией его видо-временных форм оказывается весьма нетривиальным. Действительно, почему предикаты, Pf которых содержит как предельную, так и неопредельную акциональные характеристики, вне контекста наречий реализуют лишь предельное значение? Более того, необходимо как-то отразить тот факт, что класс слабых инцептивно-стативных глаголов неоднороден: большая часть его членов допускают стативное прочтение претерита лишь в присутствии обстоятельств длительности, тогда как глагол *čəjen* 'спать' допускает как предельное, так и неопредельное понимание претерита и в «нулевом» контексте. Такое поведение «слабых» предикатов вряд ли можно считать типологически тривиальным⁸.

6. АКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕФИНИТНЫХ ФОРМ⁹

Важным дополнительным аргументом при выборе между двумя подходами к акциональности, обрисованными в п. 3 и 5, соответственно, служит чувствительное к этому параметру глагольного значения поведение некоторых неопределённых глагольных форм.

В адыгейском языке представлено множество неопределённых глагольных форм, способных возглавлять актантные и обстоятельственные неопределённые клаузы (см. Gerasimov 2006; ср. анализ данных близкородственного кабардинского языка в монографии Кумахов, Вамлинг 1998). Рассмотрим одну из таких форм, образованных при

⁸ Замечу, что, судя по данным, приведённым в статье Татевосов 2005, предикаты «слабых» классов в багвалинском, татарском и марийском языках проявляют двойственное акциональное поведение вне зависимости от присутствия обстоятельств.

⁹ Материал, обсуждаемый в этом разделе, был в основном собран Д. В. Герасимовым в ауле Хакуринохабль в 2006 г. Я признателен ему за любезное разрешение использовать эти данные, ответственность за интерпретацию которых полностью лежит на мне.

помощи префикса *zere-* (о его функциях см. Герасимов, Ландер в печати) и деепричастного суффикса *-ew*. Конструкции с формами на *zere-...-ew* имеют две основные интерпретации: «моментальную» («как только P, Q»), представленную в (26), и «дуративную» («хотя всё ещё P, Q»), представленную в (27):

(26) ə-šhe qə-zer-jə-ʔat-ew sə-wa-в.
3SG.POSS-голова DIR-SBD-3SG.A-поднять-CNV 1SG.A-выстрелить-PST
‘Как только он поднял голову, я выстрелил’

(27) ɕʰale-г zera-psk-ew jeʒʰape-m k_wa-в.
парень-ABS SBD-кашлять-CNV школа-OBL идти-PST
‘Мальчик, хотя всё ещё кашлял, пошёл в школу’

Выбор между этими интерпретациями, как выясняется, зависит от акциональной характеристики формы претерита, причём, что важно, в «нулевом» контексте, без обстоятельств длительности¹⁰. Стаивные (28) и процессуальные (27), (29) предикаты допускают лишь дуративное прочтение, а сильные инцептивно-ставивные (30) и моментальные (26) предикаты — лишь моментальное:

(28) ɕʰale-г zere-səmaʒʰ-ew šk_welə-m k_wa-в.
парень-ABS SBD-больной-CNV школа-OBL идти-PST
‘Парень всё ещё больным (|| *как только заболел) пошёл в школу’

(29) karwəselə-г ʒʰəɾjə zere-čʰereк_w-ew sabəjə-г
карусель-ABS всё.ещё SBD-крутиться-CNV ребёнок-ABS
q-jə-ɕʰəʒʰə-new feja-в.
DIR-3SG.A-сойти-SBD хотеть-PST

‘Ребёнок хотел сойти с карусели, пока она ещё крутилась’

(30) šak_w-e-m pšaše-г zer-jə-лeк_w-ew š_wə
охотник-OBL девушка-ABS SBD-3SG.A-видеть-CNV хорошо

¹⁰ Следует заметить, что носители языка отвергают возможность сочетания рассматриваемой конструкции с обстоятельствами длительности.

ə-λew_wə-в.
3SG.A-видеть-PST

‘Охотник влюбился в девушку, как только увидел её’

Слабый инцептивно-стативный глагол ‘спать’, как и ожидается, допускает обе интерпретации, ср. (31a) и (31b):

(31) a. č'ale-г zere-čəj-ew, pč'əhəre ə-λew_wə-в.
парень-ABS SBD-спать-CNV сон 3SG.A-видеть-PST
‘Как только парень заснул, он увидел сон’

b. č'ele-čəq_wə-г zere-čəj-ew, wəne-m
парень-маленький-ABS SBD-спать-CNV дом-OBL

г-а-хə-в.
3SG.IO-3SG.A-нести-PST

‘Пока мальчик спал, его вынесли из дому’

Наконец, предельные глаголы в данной конструкции также ведут себя в соответствии с акциональной классификацией, представленной в таблице 1: они допускают лишь моментальную интерпретацию форм на *zere-...-ew*, ср. (32), причём даже те, что сочетаются с обстоятельствами длительности, ср. (33):

(32) Aslan zera-λ-ew jə-č'ale-xe-г zefeg_wəbžə-вe-x.
Аслан SBD-умереть-CNV 3SG.POSS-парень-PL-ABS ссориться-PST-PL
‘Как только Аслан умер (|| *пока Аслан умирал), его дети начали ссориться’

(33) č'ale-г txələ-m zer-je-ž'-ew ž'eg_wə-new jəč'ə-в.
парень-ABS книга-OBL SBD-3SG.IO-читать-CNV гулять-SBD выйти-PST
‘Как только мальчик прочёл книгу (|| *всё ещё читая книгу), он пошёл погулять’

Итак, имеются убедительные свидетельства против «альтернативной» трактовки акциональности в адыгейском языке и в пользу того, чтобы рассматривать интерпретацию предикатов в контексте обстоятельств длительности и вне его по отдельности. В следующем разделе я предложу более формальную теоретическую интерпретацию изложенных выше фактов.

7. КОМПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ АСПЕКТА
И ДАННЫЕ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Вернёмся к предложенному в разделе 4 правилу (24), представляющему собою эмпирическое обобщение о поведении акциональных классов и обстоятельств длительности в адыгейском языке. (24), фактически, утверждает, что обстоятельство, требующее в своей сфере действия длительной (под)ситуации, «находит» её в акциональной характеристике предиката независимо от того, может ли данное акциональное значение быть выражено формой претерита самостоятельно. Подобное поведение темпоральных обстоятельств указывает на то, что они сочетаются с предикатом до того, как к нему присоединяются показатели внешней аспектуальности (ср. de Swart 1998), и что, соответственно, деление акциональной характеристики на множества I_{pf} и P_f на данном этапе нерелевантно. То, что видовременные показатели имеют широкую сферу действия по отношению к темпоральным наречиям, отчасти подтверждается поведением сочетаний обстоятельств с формой имперфекта (с суффиксом *-š'təve*): образованная от предельных глаголов, данная форма допускает как обстоятельства длительности, так и обстоятельства срока, и с обоими типами обстоятельств имеет лишь хабитуальную (но не актуально-длительную, возможную лишь в «нулевом» контексте) интерпретацию, ср. (34a) и (34b):

- (34) а. $\check{z}'_w a\check{k}_w e - m$ $g_w \text{ə} b\check{v}_w e - r$ $səhat - jə - š'ə - \check{c}'e$ $ə - \check{z}'_w e - š'təve$.
 пахарь-OBL поле-ABS час-INF-три-INS 3SG.A-пахать-IPF
 'Парень (обычно) вспахивал поле за три часа'
- б. $\check{z}'_w a\check{k}_w e - m$ $g_w \text{ə} b\check{v}_w e - r$ $səhat - jə - š'e$ $ə - \check{z}'_w e - š'təve$.
 пахарь-OBL поле-ABS час-INF-три 3SG.A-пахать-IPF
 'Парень (обычно) пахал поле три часа'

Очевидно, что интерпретация примеров (34a) и (34b) предполагает, что хабитуальный оператор, вводимый показателем имперфекта, имеет в своей сфере действия глагольную основу, её аргументы и наречие.

Каким же образом можно представить акциональную характеристику предиката на том этапе, когда он сочетается с темпоральными обстоятельствами? Как кажется, акциональная характеристика в этом случае должна более точно соответствовать структуре ситуа-

ции, обозначенной глаголом, т.е. должна, в частности, отражать то, из каких подсобытий состоит неэлементарная ситуация и каковы темпоральные и каузальные отношения между ними (ср. альтернативную концепцию, разделяющую собственно структуру обозначенной глаголом ситуации и его акциональные свойства, в Лютикова и др. 2006).

В отличие от большинства теорий аспекта, рассматривающих в качестве сложных (содержащий более одного подсобытия) лишь предельные ситуации (*accomplishments*, состоящие из процесса и перехода в результирующее состояние), концепция, принятая в данной работе, допускает и другие типы неэлементарных ситуаций. В частности, инцептивно-стативные и ингрессивно-процессуальные предикаты обозначают ситуации, состоящие из двух подсобытий: вхождения в состояние (*resp.* процесс) и самого состояния (*resp.* процесса). Их схематическое изображение представлено в (35a) и (35b). Знак \rightarrow обозначает каузацию (отношение между двумя (под)событиями, ср. Ramchand 2003). Соответственно, стандартные предельные предикаты получают репрезентацию, подобную (35c). Очевидно, также, что стативные и процессуальные предикаты представляются в виде элементарных ситуаций, ср. (36a) и (36b).

- (35) a. $ES \rightarrow S$ инцептивно-стативный предикат
 b. $EP \rightarrow P$ ингрессивно-процессуальный предикат
 c. $P \rightarrow ES$ предельный предикат
- (36) a. S стативный предикат
 b. P процессуальный предикат

Легко заметить, что схемы в (35) не позволяют провести различие между сильными и слабыми предикатами. Это противопоставление, в принципе, можно моделировать разными способами, однако, ввиду того, что в адыгейском языке оно релевантно лишь для одного единственного глагола *ǝʒen* 'спать', я позволю себе временно его игнорировать (ср. ниже).

При адвербиальной модификации обстоятельство выбирает в структуре вида (35) или (36) то подсобытие, с которым оно совместимо. В частности, обстоятельство длительности выбирает непре-

дельное подсобытие¹¹, ср. схематическое представление сочетания обстоятельства *полчаса* с инцептивно-стативным предикатом (37):

(37) полчаса(ES → S) = полчаса(S)

Отдельную проблему являют собою предельные предикаты, из которых, напомню, лишь некоторые сочетаются с наречиями длительности. Поведение этих глаголов, однако, оказывается в большой степени семантически предсказуемым. За незначительными исключениями, с обстоятельствами длительности сочетаются лишь те глаголы, которые обозначают инкрементальные ситуации (Krifka 1989, 1992, 1998; Filip 1999), т.е. ситуации, характеризующиеся постепенным накоплением эффекта (Падучева 2004б) или, в терминах Rothstein 2004, взаимно-однозначным соответствием между процессом и изменением состояния. Инкрементальные глаголы в сочетании с наречиями длительности получают интерпретацию «неполного достижения результата»: ситуация длилась в течение временного интервала, обозначаемого обстоятельством, и была прервана до своего естественного завершения. Важно однако, что при этом определённый эффект уже был накоплен: если, например, имела место ситуация *писать письмо полчаса*, то по истечении получаса определённая часть письма уже была написана.

Напротив, предельные предикаты, не обладающие свойством инкрементальности, предполагают, что прерывание «подготовительного процесса» в любой момент до его естественного завершения возвращает ситуацию в исходное состояние, аннулирует её. Действительно, ситуация *открывать собрание* предполагает определённую процедуру, завершающуюся, например, словами председателя «Собрание открыто». Однако если часть данной процедуры уже имела место, но какие-либо обстоятельства не позволили председателю произнести необходимые слова, собрание, по всей видимости, открытым считать нельзя. Тем самым, сочетания наречий длительности с неинкрементальными предельными предикатами, если они

¹¹ Подсобытие, не попавшее в сферу действия обстоятельства или иного оператора, уходит «за кадр» и исключается из дальнейшей деривации.

допустимы, имеют значение «неудавшейся попытки»¹²; данное значение, как показано, в частности, в работе Ivanov & Tatevosov 2006, возможно у такого рода сочетаний далеко не во всех языках. В частности, в адыгейском языке оно может быть выражено лишь аналитическими средствами (см. Киммельман 2006), следовательно, не допускаются и сочетания таких предикатов с обстоятельствами длительности.

Для того чтобы отразить различие между инкрементальными и неинкрементальными предельными предикатами, я модифицирую репрезентацию (35с): наличие инкрементального отношения между двумя подсобытиями я буду обозначать символом \rightarrow_i , ср. (38)

(38) P \rightarrow_i ES инкрементальный предельный предикат

Здесь следует подчеркнуть, что сочетаемость адыгейских предельных глаголов с обстоятельствами длительности в любом случае определяется правилом (24); невозможность такого рода сочетаний для неинкрементальных глаголов вытекает не из некой «поправки» к общему правилу, но из запрета на семантическую интерпретацию «неудавшейся попытки», применяющегося независимо.

Вернёмся к вопросу о противопоставлении «сильных» и «слабых» акциональных классов. Следует отметить, что различие между ними сводится к тому, что у вторых, но не у первых Pf включает не только предельное акциональное значение, но и непредельное, входящее в Ipf. Иными словами, форме претерита «слабых» предикатов, доступны оба обозначаемых глагольной основой подсобытия, в то время как для «сильных» предикатов действует дополнительное ограничение. Как представляется, такого рода ограничения можно моделировать в терминах «выделенности» (prominence) отдельных подсобытий: у «слабых» предикатов оба подсобытия — предельное и непредельное — равноправны, в то время как «сильные» предикаты придают дополнительный «вес» предельному компоненту структуры ситуации. Формализация этого неравноправия двух подсобытий была предложена в работах Дж. Пустейовского (Pustejovsky 1995, 2000), который ввёл понятие вершины (head) события (ср. также

¹² Строго говоря, термин «неудавшаяся попытка» применим лишь к агентивным ситуациям. В случае пациентивных процессов типа «умирать» (ср. пример (25b)) следует говорить просто о прерывании ситуации без накопления эффекта.

более общее понятие акцентного статуса элемента толкования, Падучева 2004а: гл. 5). Вслед за Е. В. Падучевой я буду говорить о том, что то или иное подсобытие является акцентированным, и обозначать такое подсобытие при помощи знака *. Ср., таким образом, формальные репрезентации сильных (39а), содержащих акцентированное подсобытие, и слабых (39b), у которых оба подсобытия акцентно равноправны, инцептивно-стативных глаголов:

- (39) а. $ES^* \rightarrow S$
 б. $ES \rightarrow S$

В данной системе понятий взаимодействие структуры ситуации, темпоральных обстоятельств и видо-временных форм в адыгейском языке описывается при помощи следующих правил (а также правила (24)):

- (40) Если в структуре события, обозначаемого предикатом, имеется акцентированное подсобытие, то лишь оно может попадать в сферу действия перфективного оператора¹³.
- (41) Имперфективный оператор нечувствителен к акцентному статусу подсобытий.
- (42) Темпоральные обстоятельства нечувствительны к акцентному статусу подсобытий.

Данные правила, кроме самоочевидного (40), нуждаются в комментариях. Правило (41) необходимо для того, чтобы предикаты с акцентно выделенным предельным подсобытием были способны, тем не менее, выразить неакцентированный компонент структуры ситуации. В противном случае такие предикаты вообще не сочетались бы с имперфективным видовым ракурсом, требующим в своей сфере действия длительной ситуации. Правило (42) позволяет адыгейским обстоятельствам длительности сочетаться с «сильными» глаголами

Интересно заметить, что правила (40)—(42) не только релевантны для адыгейского языка, но и задают определённое пространство

¹³ Очевидным образом, интерпретация нефинитных форм на *zere...-ew*, рассмотренная в п. 6, описывается тем же правилом.

типологического варьирования. Так, (41), по-видимому, не действует в таких языках, как литовский (ср. Аркадьев в печати); правило (42) не действует в весьма многих языках, в частности, видимо, в тех, что были описаны С. Г. Татевосовым. Наконец, можно представить себе язык, в котором, с одной стороны, были бы независимые основания для противопоставления акцентированных и неакцентированных подсобытий, и, с другой, не было бы «сильных» предикатов.

Рассмотрим схематическую деривацию нескольких из рассмотренных выше примеров. В (43) представлен последовательный «вывод» предложения (2а), содержащего сильный инцептивно-стативный предикат без обстоятельство длительности, а в (44) — деривация предложения (2b), содержащего обстоятельство длительности. В скобках после «уравнения» указывается правило, по которому оно получено.

$$(43) \text{ a. } [\text{\$}_{w\text{\textcircled{e}}}\lambda\text{e}_{k_{w\text{\textcircled{e}}}}] = \text{любить}'(\text{ES}^* \rightarrow \text{S})$$

$$\text{ b. } [\text{\$}_{w\text{\textcircled{e}}}\lambda\text{e}_{k_{w\text{\textcircled{e}}}} + \text{ve}] = \text{pfv}(\text{любить}'(\text{ES})) \quad (40)$$

$$(44) \text{ a. } [\text{\$}_{w\text{\textcircled{e}}}\lambda\text{e}_{k_{w\text{\textcircled{e}}}}] = \text{любить}'(\text{ES}^* \rightarrow \text{S})$$

$$\text{ b. } [\text{\$}_{w\text{\textcircled{e}}}\lambda\text{e}_{k_{w\text{\textcircled{e}}}} + \text{j}\lambda\text{e}s\text{-j}\lambda\text{-tfe}] = \text{пять_лет}'(\text{любить}'(\text{S})) \quad (42), (24)$$

$$\text{ c. } [\text{\$}_{w\text{\textcircled{e}}}\lambda\text{e}_{k_{w\text{\textcircled{e}}}} + \text{j}\lambda\text{e}s\text{-j}\lambda\text{-tfe} + \text{ve}] = \text{pfv}(\text{пять_лет}'(\text{любить}'(\text{S}))) \quad (40)$$

В (45) приведена деривация двузначного предложения (1а) со слабым инцептивно-стативным предикатом:

$$(45) \text{ a. } [\text{\textcircled{c}}\text{e}\text{j}\text{e}] = \text{спать}'(\text{ES} \rightarrow \text{S})$$

$$\text{ b. } [\text{\textcircled{c}}\text{e}\text{j}\text{e} + \text{ve}] = \text{pfv}(\text{спать}'(\text{ES} \rightarrow \text{S}))$$

$$\text{ c. } \text{pfv}(\text{спать}'(\text{ES} \rightarrow \text{S})) = \{\text{pfv}(\text{спать}'(\text{ES})), \text{pfv}(\text{спать}'(\text{S}))\}$$

Предложенная в данном разделе система репрезентации не претендует на полную формализацию и учёт всех релевантных факторов, однако она, как я смею надеяться, позволяет описать нетривиальную ситуацию, представленную в адыгейском языке, в простых и интуитивно приемлемых терминах, и, более того, даёт возможность сделать определённые типологические предсказания.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье был проанализирован непростой и типологически не вполне обычный материал адыгейского языка. Рассмотренные данные демонстрируют, что для адекватного описания хотя бы столь небольшого фрагмента аспектуальной системы конкретного языка необходимо учитывать информацию нескольких типов. Во-первых, это лексически заданные аспектуальные параметры — акциональность, которая, по-видимому, неэлементарна и складывается из структуры ситуации (набор подсобытий и связь между ними) и иерархического отношения между её компонентами — акцентного выделения того или иного подсобытия. Во-вторых, это свойства темпоральных обстоятельств, точнее, того компонента грамматической системы, который отвечает за ограничения на сочетаемость предикатов разных акциональных классов с такими обстоятельствами и за семантику результирующих сочетаний. В-третьих, это собственно видо-временные категории, кодирующие «ракурс» — точку зрения говорящего на ситуацию. Указанные три компонента аспектуальной семантики (которая ими вовсе не исчерпывается) в значительной степени независимы друг от друга, и каждый из них вносит свой собственный вклад в интерпретацию предложения, получающуюся по иерархически упорядоченным правилам. В статье были выдвинуты некоторые предварительные предположения о том, какой вид могут иметь эти уровни репрезентации и правила их взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Аркадьев П. М. В печати. «Теория акциональности и литовский глагол» // *Балто-славянские исследования*. Вып. XVIII. М.
- Булыгина Т. В. 1982. «К построению типологии предикатов в русском языке» // О. Н. Селиверстова (отв. ред.), *Семантические типы предикатов*. М.: Наука. 7—87.
- Герасимов Д. В., Ю. А. Ландер. В печати. «Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке» // С. Г. Татевосов (ред.), *Исследования по отглагольной деривации*. М.
- Киммельман В. И. 2006. «Грамматикализация первичных стативных глаголов в адыгейском языке». Доклад на 3-й Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН.

- Кумахов М. А., К. Вамлинг. 1998. *Дополнительные конструкции в кабардинском языке*. Ms., Department of Linguistics, Lund University.
- Лютюкова Е. А., С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. 2006. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ РАН.
- Маслов Ю. С. 1948. «Вид и лексическое значение глагола в русском языке» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 7. № 4. 303—316.
- Падучева Е. В. 1996. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: «Языки русской культуры».
- Падучева Е. В. 2004а. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: «Языки славянской культуры».
- Падучева Е. В. 2004б. «Накопитель эффекта и русская аспектология», *Вопросы языкознания* 5. 46—57.
- Рogaва Г. В., З. И. Керашева. 1966. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар—Майкоп: Краснодарское книжное издательство.
- Смит К. 1998. «Двухкомпонентная теория вида» // М. Ю. Черткова (ред.), *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. М.: «Языки русской культуры». 404—421.
- Татевосов С. Г. 2005. «Акциональность: типология и теория», *Вопросы языкознания* 1. 108—141.
- Bach E. 1986. “The algebra of events”, *Linguistics and Philosophy* 9. 5—16.
- Bache C. 1982. “Aspect and Aktionsart: Towards a semantic distinction”, *Journal of Linguistics* 18.1. 57—72.
- Bertinetto P.-M. & D. Delfitto. 2000. “Aspect vs. actionality: Why they should be kept apart”. In Ö. Dahl (ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter. 189—226.
- Bertinetto P.-M., V. Bianchi, J. Higginbotham, Ö. Dahl & M. Squartini (eds.). 1995. *Temporal Reference, Aspect and Actionality*. Vols. 1—2. Torino: Rosenberg & Seiler.
- Bybee J. & Ö. Dahl. 1989. “The creation of tense and aspect systems in the languages of the world”, *Studies in Language* 13.1. 51—103.
- Csirmaz A. 2004. “Aspect and aspect change crosslinguistically”. In L. Hunyadi, G. Rákosi, E. Tóth (eds.), *Preliminary Papers of LOLA 8*, Debrecen.
- Dahl Ö. 1985. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Depraetere I. 1995. “The effect of temporal adverbials on (a)telicity and (un)boundedness”. In Bertinetto et al. (eds.) 1995, Vol. 1. 43—54.
- Dowty D. R. 1979. *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel.
- Filip H. 1999. *Aspect, Eventuality Types, and Noun Phrase Semantics*. New York: Garland.
- Gerasimov D. V. 2006. “Clause linkage patterns in Adyghe”. Paper presented at the *Syntax of the World's Languages-2 Conference*, Lancaster University, September 2006.
- Güven M. 2006. *Adverbials in Turkish: The Third Parameter in Aspectual Interpretation*. München, Newcastle: LINCOM Europa.
- Ivanov M. Y. & Tatevosov S. G. 2006. “Event structure of non-culminating accomplishments”. Handout of the talk presented at the *TAM TAM Workshop*, Radboud University Nijmegen.
- Klein W. 1994. *Time in Language*. London—New York: Routledge.
- Krifka M. 1989. “Nominal reference, temporal constitution and quantification of event semantics”. In R. Bartsch, J. van Benthem & P. van Emde Boas (eds.), *Semantics and Contextual Expression*. Dordrecht: Foris. 75—115.

- Krifka M. 1992. "Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution". In I. Sag & A. Szabolsci (eds.), *Lexical Matters*. Stanford: CSLI Publications. 29—53.
- Krifka M. 1998. "The origins of telicity". In S. Rothstein (ed.), *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer. 197—235.
- Lander Y. A. & Y. G. Testelefs. 2006. "Nouniness and specificity: Circassian and Wakashan". Paper presented at the conference *Universals and Particulars in Parts-of-Speech Systems*. University of Amsterdam.
- Levin B. & M. Rappaport Hovav. 1998. "Building verb meanings". In M. Butt & W. Geuder (eds.), *The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors*. Stanford: CSLI Publications. 97—134.
- Mourelatos A. P. 1981. "Events, processes, and states" In P. Tedeschi & A. Zaenen (eds.), *Syntax and Semantics. Vol. 14. Tense and Aspect*. New York etc.: Academic Press. 191—212.
- Pustejovsky J. 1995. *The Generative Lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Pustejovsky J. 2000. "Events and the semantics of opposition" In C. Tenny & J. Pustejovsky (eds.), *Events as Grammatical Objects*. Stanford: CSLI Publications. 455—482.
- Ramchand G. C. 2003. "First phase syntax". Ms., University of Oxford.
- Rothstein S. 2004. *Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect*. Oxford: Blackwell.
- Sasse H.-J. 2002. "Recent activity in the theory of aspect: Accomplishments, achievements, or just non-progressive state?". *Linguistic Typology* 6. 199—271.
- Smith C. 1995. "The range of aspectual situation types: Derived categories and a bounding paradox". In Bertinetto et al. (eds.) 1995: Vol. II. 105—124.
- Smith C. 1997/1991. *The Parameter of Aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer.
- de Swart H. 1998. "Aspect shift and coercion", *Natural Language and Linguistic Theory* 16. 347—385.
- Tatevosov S. G. 2002. "The parameter of actionality", *Linguistic Typology* 6. 317—401.
- Vendler Z. 1967. "Verbs and times". In Z. Vendler, *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 97—121.
- Verkuyl H. 1972. *On the Compositional Nature of the Aspects*. Dordrecht: Reidel.
- Verkuyl H. 1989. "Aspectual classes and aspectual composition", *Linguistics and Philosophy* 12. 39—94.
- Verkuyl H. 1993. *A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Verkuyl H. 2005. "Aspectual composition: Surveying the ingredients". In H. Verkuyl, H. de Swart & A. van Hout (eds.), *Perspectives on Aspect*, Dordrecht: Springer. 19—40.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Список сокращений: A — агенс, ABS — абсолютив, CAUS — каузатив, CNV — конверб, DIR — директивный преверб, INF — интерфикс, INS — инструменталис, IO — не прямой объект, IPF — имперфект, LOC — локативный преверб, OBL — косвенный падеж, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRS — презенс, PST — претерит, S — субъект непереходного предиката, SBD — показатель подчинения, SG — единственное число.